

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

9 344 / 5 263 кп.

Т Р У Д Ы ОТДЕЛА ВОСТОКА

ТОМ II

ЛЕНИНГРАД · 1940

Г. В. Григорьев.

ГОРОДИЩЕ ТАЛИ-БАРЗУ

Краткий очерк¹

В шести километрах на юг от города Самарканда по термезскому тракту, среди садов и виноградников, возвышаются унылые холмы городища Тали-Барзу.

Оно занимает площадь примерно около пяти гектаров, но это лишь незначительные остатки руин, охватывавших когда-то гораздо большую площадь; окрестное население из года в год уничтожает его, развозя землю на свои поля. В плане городище представляет собой каре из руин построек, в центре которого поднимается холм выс. 18 м (рис. 1).

Уже первыми разведочными работами 1936 года было выяснено, что, во-первых, городище перестало жить в начале VIII века, а во-вторых, на городище имеется слой, относящийся несомненно к эллинистическому периоду.

Исследования последующих лет показали, что на городище имеется не менее шести культурных слоев, дающих совершенно четкие керамические, строительные, нумизматические и изобразительные (статуэтки) материалы.

Расчистка с.-в. склона центрального холма показала, что весь он представляет собой нагромождение руин построек (рис. 2).

Самый нижний слой (Тали-Барзу I) лежит под платформой здания, относящегося к следующему периоду (ТБ II, рис. 2). Материалы из этого слоя позволяют его датировать первой

¹ Работы на городище Тали-Барзу проводились в 1936, 1937, 1938 годах под руководством автора на средства Самаркандского музея. В 1939 году работы продолжались Зарафшанской археологической экспедицией Эрмитажа и ИИМК АН СССР (см. отчет начальника экспедиции проф. А. Ю. Якубовского в наст. сборнике). Подробные отчеты о работах предыдущих лет представлены автором Самаркандскому музею для издания. Обстоятельная сводка, касающаяся вопросов датировки, представлена в ИИМК для включения в предполагаемый к изданию Среднеазиатский сборник.

половиной первого тысячелетия до х. э. Ближайшие аналогии к формам керамики этого слоя мы находим, с одной стороны, в материалах городища Анау и Тепе-Гисар в Дамгане, с другой — в материалах сакских городищ Ташкентского округа. Особенно характерны здесь окрашенные красной краской вазы на высоких ножках (рис. 3а). Подобная форма имеется в слое Анау III, относящемся по шкале г. Шмидта к второму тысячелетию до х. э.¹, и в слое Гисар I, относящемся к III тысячелетию до х. э.² Повидимому, на городище Тали-Барзу мы имеем более позднее переживание этой формы.

С другой стороны, имеется целый ряд форм, связывающих эту культуру с сакскими городищами Ташкентского округа. Как на один из примеров, укажем на форму подставки для вертела из обожженной глины, трактованной в виде двухголового барана (рис. 3в и г).

Терракотовые статуэтки, происходящие из этого слоя, дают наиболее архаические формы из всех известных нам из Самаркандского округа форм. Мы здесь находим статуэтку в скифской остроконечной шапке, перевязанной, повидимому, шарфом (табл. I, 1, и рис. 3д). На лбу у нее или подрезанная челка волос, как у скифских воинов на персепольских рельефах,³ или же стленгида, нечто вроде кокошника, с привешенными к ней височными кольцами, которая в Греции и Северном Причерноморьи появляется лишь в V веке до х. э.⁴ Здесь же найдена головка статуэтки с прической, напоминающей египетские „парики“ с подрезанной челкой (табл. I, 2).

Очень характерна здесь статуэтка, повидимому, Анахиты (табл. I, 3) — богини воды и плодородия. В Авесте она описывается в виде девушки полной, с прекрасной формой груди, обутый в обувь, украшенную золотом и доходящую до лодыжек, с ожерельем на шее, серьгами в ушах и в золотой диадеме. Один раз говорится, что она одета в одежду из шкурок тридцати выдр.⁵

Наша статуэтка представляет полную девушку, хотя и с большим носом, характерным для статуэток из данного

¹ R. Pumpelly. Exploration in Turkestan, 1908 г., т. I, табл. 11 и стр. 186.

² E. F. Schmidt. Tepe Hissar Excavations 1931. The Museum Journal № 4, 1933, Филадельфия, т. XXIII, стр. 341.

³ Ср. W. Sarre. Die Kunst des alten Persien, 1923 г., стр. 29.

⁴ М. И. Ростовцев. Эллино-скифский головной убор. ИАК, вып. 63, стр. 92—93. Данные статуэтки, так же как и представленная на табл. I, 3, происходят из подъемного материала, однако точно такие же статуэтки, но более фрагментированные, найдены в слое ТБ I.

⁵ Darmesteter. Zend Avesta, 1892, т. II, стр. 332. Aban Iasht 5, § 64 и гл. XXX.

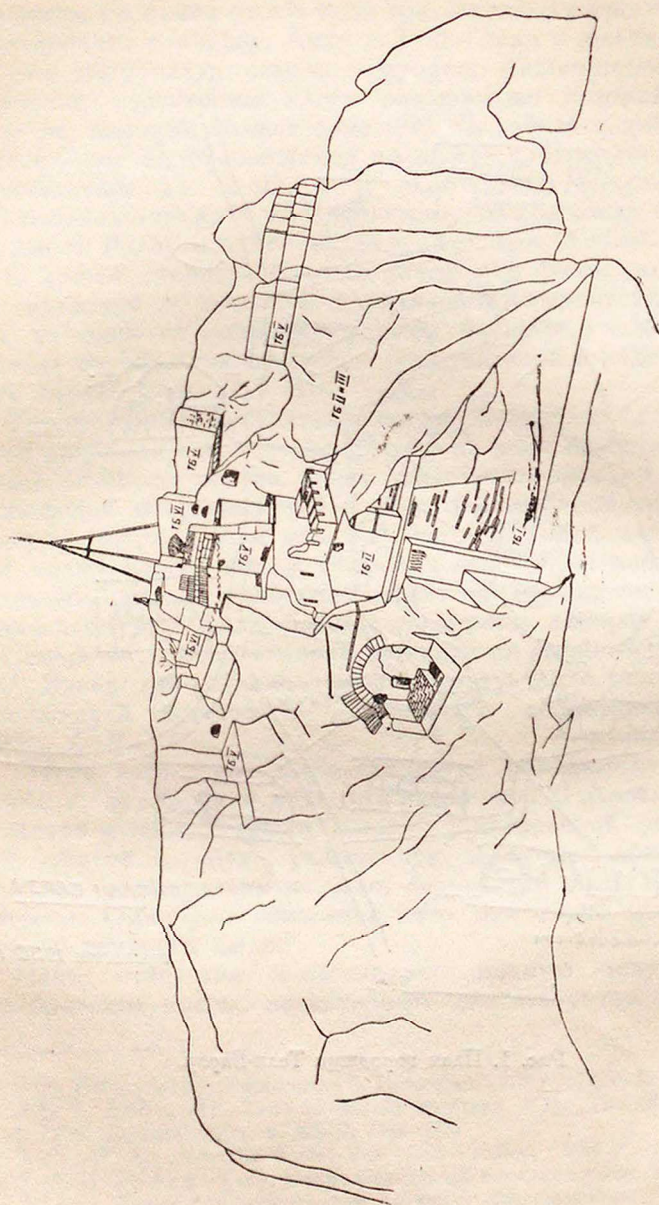

Рис. 2. Расчищенный участок северного склона центральной вышки (раскоп № 1)

слоя. Она несомненно связана с культом плодородия, о чем свидетельствуют подчеркнутые половые органы и расположение рук, указывающих на них. В ушах у нее серьги, на шее гривна. Фрагмент формы для выделки подобных статуэток, найденный в этом слое, дает вариант ее в мантии, накинутой на плечи, и в ясно выраженной обуви, доходящей до лодыжек, украшенных кружками. В правой руке у нее сосудик, вероятно с священной водой. Статуэтки лошадей, характерные для этого слоя, отличаются тем, что чолки у них нет, а короткая грива стоит гребнем, оканчиваясь между ушами прямым вертикальным срезом (табл. I, 4). Они очень напоминают греческие статуэтки архаического периода. Возможно, что перед нами порода лошадей, близкая к дикой лошади.

Слой ТБ II (V—IV вв. до х. э.) был вскрыт на городище в двух местах: в центральном холме, где он заполнял комнату, стоящую на платформе (рис. 2), и в раскопе № 2, заложенном в с.-в. углу городища, где он лежит на материковом лессе и подстилает эллинистический слой (рис. 4).

Материалы из этого слоя, при большом сходстве с материалами из нижнего, дают некоторые изменения (ср. формы красной вазы на рис. 3, где „б“ происходит из слоя ТБ II). Характерна здесь керамика с ленточным орнаментом (рис. 3е, ж). Из изобразительных материалов здесь найдена статуэтка (табл. I, 5) и прочерченное на стенке пифоса (находка 1939 г.) изображение человеко-быка (см. табл. I к статье К. В. Тревер). Статуэтка — несомненно ахеменидского стиля. Имеется большое количество материалов, подтверждающих это положение, но мы ограничимся сравнением с ахеменидским цилиндром из коллекции M. de Clercq'a, изданным Менаном¹ (рис. 5). Здесь, повидимому, представлена сцена, где богиня принимает жертву от жреца, а царь стоит перед жертвенником. Изображение царя в данном случае очень похоже на нашу статуэтку. В обоих случаях перед нами молодое лицо без бороды. Вообще для изображений ахеменидских царей это редкий случай, обычно они представлены с бородами. Из ахеменидов на монетах без бороды представлен Кир младший.² У сравниваемых изображений на головах имеются одинаковые цилиндрические тиары с зубцами — характерный атрибут ахеменидских царей. Там и здесь уши прикрыты буклями волос; одинаково положение рук и одинакова трактовка ног, прикрытых длинной одеждой с складками, ниспадающей до ступней. Изображение человеко-быка также является характерным для этого времени

¹ M. I. Menant. Recherches sur la glyptique orientale. Париж, 1886 г. Табл. IX, 2. Менан (стр. 174) содержание сцены трактует несколько иначе, чем это дано ниже.

² A. U. Pope. A Survey of Persian Art, 1938 г., т. VI, стр. 125, рис. „С“.

и восходит к очень древним средне- и переднеазиатским мифическим образам, зафиксированным в камне в Ассирии и позднее в Персеполе (изваяния в воротах Ксеркса).

К концу данного периода относится возникновение каре городища в том виде, как оно сохранилось до настоящего времени (по всей вероятности, до него уже существовало каре, но в меньших размерах).¹ В центральном холме здание, упомянутое выше, было засыпано и на нем построено другое с башнями, основание одной из которых было нами расчищено (рис. 2).

В башне имеются остатки бойниц, расположенных радиально. Своими конструктивными приемами она связывается с такими же постройками в каре городища. Около углов городища имеются остатки таких же башен, с такими же радиально расположенными бойницами в два ряда (табл. II).

В юго-восточном углу, который лучше других сохранился, по южному обрезу нами расчищены три с половиной звена с простенками; в последних также имеется по две бойницы. На запад от башен обнаружены остатки помещений с полуциркульными сводами, как и в других местах каре. По восточному обрезу юго-восточного угла также имеются остатки одной башни и намечаются под более поздними глинобитными кладками еще и другие. Остатки подобных же башен имеются у с.-в. и с.-з.² углов (рис. 1).

В бойницах находятся вещи, по преимуществу, относящиеся только к слою ТБ II, но в центральной вышке найдено и несколько предметов, относящихся уже к следующему слою, эллинистическому. Повидимому, в этот последний период были использованы старые, уже существовавшие здания, так как элементов греческой архитектуры на городище не обнаружено.

Слой ТБ III („эллинистический“), датируемый временем III—II вв. до х. э., хорошо представлен в раскопе № 2 (рис. 4). Здесь исчезают формы керамики, характерные для предше-

¹ Родовые поселения данного района уже в раннеахеменидский период строились по определенному плану в виде каре из построек, причем внешние стены последних и являлись стенами поселения. Такой план поселения зафиксирован уже Авестой, где Йима (мифический герой) по повелению Ахура Мазды вымесил глину руками и ногами, как это делает горшечник, и сложил из нее жилище, имеющее четыре стороны, длина каждой из которых была равна бегу лошади (бег лошади на ипподроме: длина сторон здания Йимы равнялась по исчислению Дармстетера двум милям). I. Darmsteter. Zend Avesta, Vendidad, форгард II, 32,33 французский перевод, т. II, стр. 28—29 и прим. 32 на стр. 25.

² В предварительном сообщении о работах 1939 года, напечатанном в № 2—3 СОНАТ, Ташкент, 1938 г., на стр. 76 и рис. 3 эти несомненно боевые бойницы названы ошибочно осветительными.

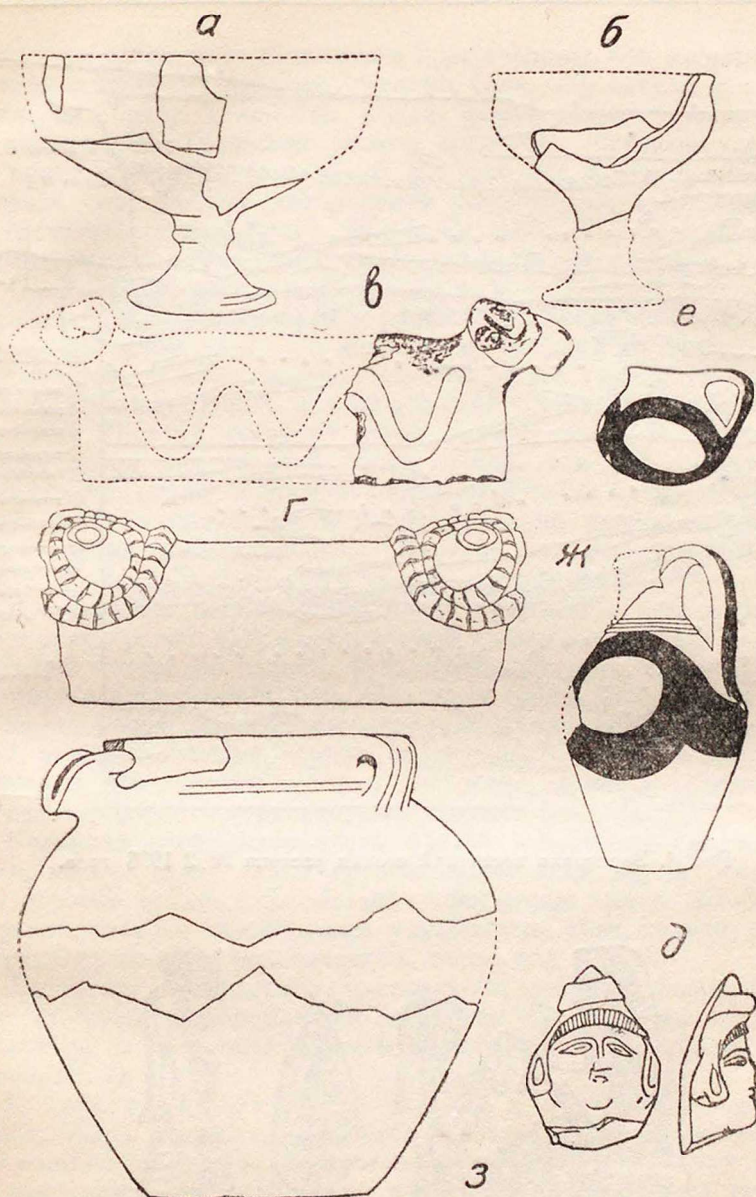

Рис. 3. а. Ваза покрытая красной ангобой без лошения. Слой ТБ I $\frac{1}{4}$ нат. вел. б. Ваза покрытая красной ангобой без лошения. Слой ТБ II $\frac{1}{4}$ нат. вел. Подставка для вертела из обожженной глины. ТБ I $\frac{1}{4}$ нат. вел. г) Подставка для вертела из обожженной глины. Каунчи тепа, сакский слой, $\frac{1}{4}$ нат. вел. д. Головка статуэтки в острокопечной шапке. ТБ I $\frac{3}{4}$ нат. вел. е, ж. Сосуды с ленточным орнаментом. ТБ II $\frac{1}{4}$ нат. вел. з. Сосуд, окрашенный красной ангобой с двумя ручками и смятым рожком. ТБ III $\frac{1}{4}$ нат. вел.

ствующих слоев, зато появляются новые формы, как, например, сосуды с смятыми с боков рожками (рис. 3з), сосуды с кружками на боках (рис. 6а), новая форма чашек (рис. 6б) и характерная греческая энохоя (рис. 6в). Исчезают вазы на высоких ножках (рис. 3а и б), зато под ручками многих сосудов появляются изображения лиц людей, несомненно, в греческом стиле (табл. III, 1, 2, табл. IV, 8, рис. 5в), характерные для греческого искусства лепестки, аканф и т. д.

Слой ТБ IV, датируемый I в. до х. э. — II в. х. э. („кушанский“), хорошо представлен в раскопе № 2, где он лежит на эллинистическом слое. Он колеблется от двух до трех метров толщины и хорошо расслаивается на два горизонта: нижний — зольно-мусорный и верхний слой — темный, глинистый (рис. 4). Нижний горизонт дает значительное количество вещей, тогда как верхний почти пустой, так как является, повидимому, опывом разрушенных глинобитных зданий. Городище по всем признакам в послекушанский период на два-три столетия было заброшено. Этот период был достаточен для того, чтобы образовался такой мощный опыв.

В кушанский период часть ранее существовавших зданий была перестроена: так, в центральной вышке разрушена башня и на ней построено здание, фундамент которого, обложенный обожженными плитками, был обнаружен еще в 1936 году. Появляются новые строительные приемы: между угловыми башнями построено новое здание из сырцового кирпича других размеров. Из того же кирпича построено здание в западном обрезе городища с стрельчатыми сводами (рис. 1).

Керамика этого слоя очень близка к керамике предыдущего, но она значительно грубее. Здесь иная форма венчиков пифосов, котлов и преобладает иная форма чашек (рис. 6а). Окраска сосудов значительно ухудшается. Нам только раз встретился сосуд с человеческим лицом под ручкой.

Характерными для этого слоя являются статуэтки, вылепленные от руки, изображающие всадника с огромным носом и глазами, с большими усами и бородкой клином, в диадеме (табл. IV, 1).

В этом же слое имеются образки в буддийском стиле (табл. III, 3). На обломке пифоса здесь найдена процарапанная надпись (табл. IV, 2), прочтенная проф. А. А. Фрейманом.¹ По его словам, здесь написано одно слово, являющееся началом фразы на древнесогдийском языке и означающее „всегда“ (v'm'n(t)). Палеографический анализ позволяет отнести ее к I в. до х. э., что соответствует и стратиграфическому залеганию слоя.

¹ Вестник древней истории, № 3 (4), 1938 г., стр. 147.

К началу этого периода, возможно, относится и клад серебряных монет, найденный на городище (в кол. 29 штук) колхозником, рывшим недалеко от нас землю для удобрения. Монеты эти возможно поместить в период между монетами Герая и Канишки. На монетах представлено лицо в профиль влево, несомненно греческого происхождения. На реверсе изображена фигура стоящего лучника, держащего в левой руке лук. Клад дает варианты от довольно реалистических изображений (табл. III, 42) до полной схематизации их, как на табл. III, 43. Перед лицом и за головой на некоторых монетах заметны следы надписи арамейско-согдийскими буквами (настоящая публикация лишь предварительная).

Как указано выше, в послекушанский период городище значительный промежуток времени пустовало и было восстановлено в пятом, а может быть даже в шестом веке. Все руины старых построек были забиты крепкой лессовой глиной. Характерно, что стены прежних зданий сделаны из глины гораздо более слабой и более темной окраски: глина забивки светло-желтая, цвета лесса. Из этой же глины была построена и внешняя стена, окружившая все старые постройки в виде башен, сводчатых помещений и т. д. Эта стена и сохранила для нас этот важнейший памятник материальной культуры. Окрестное население почти совсем ее уже уничтожило, ежегодно развозя на поля, и только местами остатки ее прикрывают здания предшествующих эпох, да лишь в одном месте под современной постройкой сохранился участок ее.

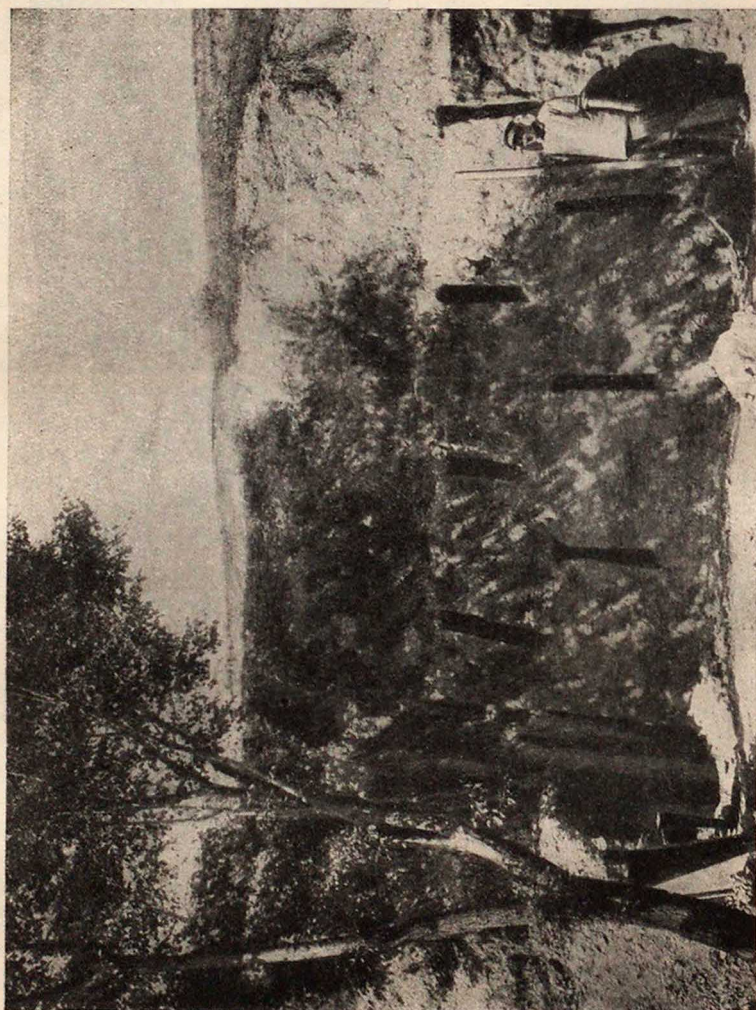
В центральной вышке этой стене соответствуют остатки стены, в основании которой были положены глиняные блоки, размерами $3,0 \times 1,0 \times 1,0$ м (рис. 2) и характерные для построек этого времени, исследованных А. И. Тереножкиным и С. П. Толстовым в северном Хорезме.

У основания этой стены в предпоследнем по времени здании было обнаружено значительное количество материалов, которые несомненно относятся к разряду так наз. сасанидского искусства и составляют слой ТБ V (V—VII вв. х. э.). Здесь найден целый ряд вещей, которые повторяют в глине формы, известные нам в сасанидском серебре. Так, здесь найдены округлые кружки с оттисками граната на боках (рис. 6ж), повторяющие форму такой же кружки, приведенной в труде И. А. Орбели и К. В. Тревер „Сасанидский металл“ (табл. 54). Характерно, что многие сосуды из этого слоя посыпаны слюдой, которая наносилась на поверхность сосуда, когда он был еще сырым. Получалась блестящая поверхность, несомненно имитирующая серебро. Имеются глиняные блюда, в точности передающие форму и размеры сасанидских блюд с оттисками гранатов, веток и козлов (табл. V, 1, 2). Данный фрагмент

1. Статуэтка человека в „скифском“ колпаке с височными кольцами. ТБ I, н. в.¹ 2. Головка статуэтки с прической в виде египетского парика. ТБ I, н. в. 3. Статуэтка богини Анахиты. ТБ I, н. в. 4. Головка статуэтки лошади с гривой в виде гребня. ТБ I, н. в.

¹ Все материалы, приведенные в данной статье, принадлежат Самаркандскому музею.

1

2

3

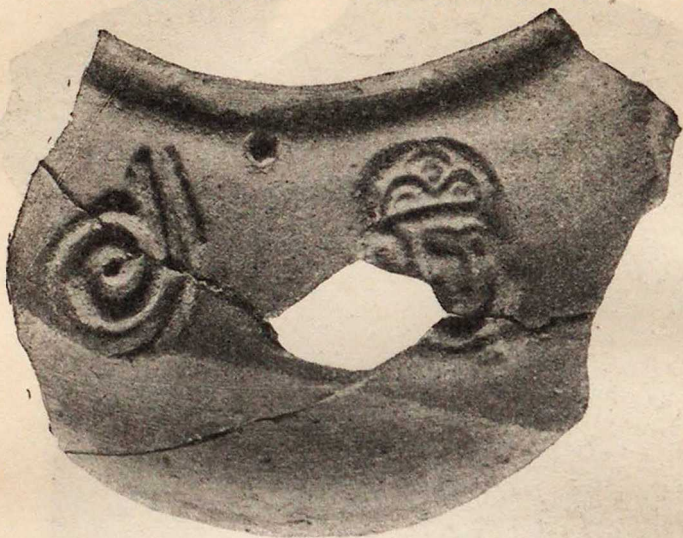
1. Штампованное изображение лица человека под ручкой сосуда. ТБ III, н. в.
2. Штампованное изображение лица человека под ручкой сосуда. ТБ III, н. в.
3. Буддийский образок. ТБ IV, н. в.

1. Статуэтка всадника. ТБ IV, $\frac{3}{4}$ н. в.
2. Обломок пифоса с согдийской надписью. ТБ IV, $\frac{1}{2}$ н. в.

1. Фрагмент глиняного блюда, сделанного по образцу „сасанидских“ серебряных блюд с оттисками ветки граната и козла. Характерно для слоя ТБ V. Кафир Кала, н. в. 2. Штамп ветки граната. Кафир Кала, н. в. 3. Статуэтка всадника с шестопером и рогом в руках; фигурка сидела на лошади или баране, от которого отбита. Характерна для слоя ТБ V, Кафир Кала, н. в. 4. Оттиснутое изображение маски на донце сосуда, посыпанного слюдой. Кафир Кала, н. в.

1

2

3

4

1. Штампованное изображение двух лиц на стенке сосуда. ТБ V, н. р.
 2. Штампованное изображение лица женщины на стенке сосуда.
 Кафир Кала, н. в.
 3—4. Бронзовые монеты согдийского царя Тархуна (704-710 гг. н. э.)
 ТБ VI, нат. вел.

происходит с городища Кафир-Кала, но в слое V на Тали-Барзу имеются подобные же формы, более фрагментированные. Имеются и кувшины, подобные сасанидским кувшинам,¹ также с посыпкой слюдой и оттисками граната (*рис. 6е*). Человеческие изображения здесь, однако, отличаются от сасанидских тем, что тип их турецкий: на *табл. VI, 1* представлен оттиск штампа на стенке сосуда, на котором изображены два лица с турецкими чертами. В раскопе № 2 с описанной выше керамикой найдены статуэтки, подобные статуэтке, представленной на *табл. V, 3* и *рис. 6, в* (где дана реконструкция) и найденной на городище Кафир-Кала (о чем речь будет ниже). Она очень напоминает воина, представленного на серебряном блюде (издан в альбоме „Сасанидский металл“, *табл. 20*) справа от осажденной крепости в первом ряду. Сама крепость весьма близка по конструктивным моментам к зданиям на городище старого Мерва,² Миздахкан³ и упомянутым выше крепостям северного Хорезма. Возможно, что и замок Тали-Барзу в последний период своей жизни имел такой же вид (как и многие другие городища в окрестностях Самарканды), но вследствие того, что в Самаркандском районе быстрее происходит размывание лесса⁴ и гораздо интенсивнее земледельческая культура, внешняя разделка стен здесь уничтожена. Во всяком случае, упомянутое выше блюдо несомненно изображает замок, характерный для Средней Азии: локализовать его на более ограниченном пространстве пока было бы преждевременно.

Характерной формой для данного слоя (ТБ V) является колоколообразная кружка с ручкой, иногда с канелюрами. В этом слое окраска керамики очень плохая, очень бледная, неравномерно сложенная.

В пяти километрах от Тали-Барзу расположено городище Кафир-Кала, внешне еще более грандиозное и лучше сохранившееся. Оно имеет примерно такой же облик, как и городище Тали-Барзу. И. А. Сухареву удалось здесь найти квартал гончаров с остатками печей и кучами отбросов производства. В этих кучах в массовом количестве находится керамика, подобная обнаруженной в слое ТБ V, с несомненно

¹ Сасанидский металл, табл. 91, 70.

² В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва, 105, табл. 20.

³ А. Ю. Якубовский. Городище Миздахкан, Зап. Кол. Вост., V стр. 529—261.

⁴ Повидимому, вследствие большого количества атмосферных осадков, что заметно на современных постройках: так, заливка крыш местных построек глиной в Самарканде производится ежегодно, тогда как в Чарджуе на Аму-Дарье раз в 6—8 лет.

тем же штампом и посыпкой слюдой. Здесь эта керамика эффектнее, так как она не была в употреблении и слюда не потускнела и не стерлась. На *табл. VI, 2* представлен оттиск лица на стенке сосуда, найденного на городище Кафир-Кала, подобного левому лицу, представленному на *табл. VI, 1*, найденному на городище Тали-Барзу.

Очень интересен здесь оттиск, изображающий, повидимому, трагическую маску греческого происхождения (*табл. V, 4*) — образ, доживший до VII в. х. э.

Данный участок для датировок представляет большие трудности вследствие того, что в районе Кафир-Кала происходят чрезвычайно интенсивные изменения рельефа местности. Так, гончарные печи сасанидского периода с их отбросами залегают под 2—2,5-метровыми толщами лесса с примесью песка, переслоенными линзами песка совершенно без всяких культурных остатков. Здесь несомненно размыты и сдвинуты целые слои, в силу чего для датировок этот участок городища очень опасен. Здесь (в основном) к позднесасанидскому слою (может быть, даже заходящему в первое десятилетие VIII в. х. э.) примешиваются и вещи совершенно иной культуры. Не останавливаясь на этом вопросе, приведем две вещи, которые могут быть отнесены к более раннему времени. Так, на *табл. VII, 21* приведен оттиск штампа на стенке сосуда, представляющего лицо человека в три четверти, в шлеме, без посыпки слюдой. По наблюдениям Н. Н. Забелиной, отсутствие посыпки слюдой может считаться признаком более раннего, чем VI—VII вв., изготовления данного предмета. И, наконец, может быть далекое переживание греческого мотива (ср. монеты Александра Македонского) мы имеем в тонком лице в шлеме в виде головы хищника, изображенном на штампе (*табл. VII, 22*). Вообще же, в основном материалы Кафир-Калы относятся к VI—VII вв. х. э., что подтверждается находкой монеты Вашумана середины VII в.

Шестой, самый верхний слой Тали-Барзу прослеживается на всей площади городища. В центральной вышке ему соответствует самое верхнее здание (*рис. 1*), из которого нами расчищены остатки четырех комнат и коридор. Основное здание уничтожено окрестным населением. Эти комнаты не забиты намеренно глиной, как все нижележащие, а засыпаны рыхлым завалом. В полу одной из комнат найдены 2 монеты согдийского царя Тархуна (*табл. VI, 3; 704—710 гг. х. э.*) и монета бухар-худдатов начала VIII в.¹ Здесь же найдена первая поливная керамика, с поташной поливой, с расплав-

¹ Определение сделано проф. А. А. Фрейманом (ук. соч.) и О. И. Смирновой. Вестник древней истории, № 1, 1939 г., стр. 116—120.

чатым линейным и точечным зеленовато-голубым орнаментом по мутно-белому, как бы жирному фону. Найдена и совершенно иная, чем сасанидская керамика, иные пифосы, иные котлы, кружки и т. д. В первый раз появляется такая характерная для всего последующего периода форма глубокого блюда-миски на поддоне. Тот же самый слой, с такими же постройками, из такого же кирпича, с теми же монетами и керамикой, лежит сверху в раскопе № 2 (рис. 4).

Городище как единый комплекс, как известный центр, перестало жить в первой половине VIII в. После этого на городище продолжали ютиться отдельные жилища, от которых в некоторых местах сохранились выгребные ямы, дающие более поздний материал, правда, очень бедный и незначительный, однако слоя культурного на городище не образовалось.

Материалы, находимые на городище Тали-Барзу, имеют значительное распространение на городищах, расположенных к востоку от г. Самарканда.

Постепенное археологическое раскрытие городища Тали-Барзу показало, что перед нами памятник первостепенного исторического значения. Это — несомненно остатки бывшего политического центра. По письменным источникам известно, что в домусульманский и раннемусульманский периоды местность на восток и юг от Самарканда носила название Маймург¹ (в китайских источниках Ми, Мимо и Мимохе), причем в 658 г. переименована в Наньми.² Центром Маймурга была местность Ривдад, где еще в X в. сохранились замки согдийских ихшидов. Мы полагаем, что городище Тали-Барзу и является остатками одного из крупнейших замков в местности Ривдад. Основанием для этого служат следующие соображения. Во-первых, селение Ривдад и одноименные с ним ворота Ривдад в стене Дивари-Кыямат, окружавшей пригороды Самарканда, были расположены на юг от последнего в расстоянии одного фарсаха.³ Ворота Ривдад, повидимому, находились на месте современного кишлака Ак-мечеть, расположенного в полутора километрах от кишлака Тали-Барзу. В этом нас убеждает, во-первых, то, что в перечне Макдиси они помещены между воротами Варсин (повидимому, на современной Пенджекентской дороге) и Фарухшид (где-то около мазара Ходжи Абди Бирун).⁴ Во-вторых, Ак-мечеть находится, примерно, в расстоя-

¹ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 105.

² Иакинф. Собр. св. о народах, обитавших в средней Азии в древние времена, ч. III, стр. 245. Томашек помещал Маймург севернее в район Джумабазара. Zentralasiatische Studien Sogdiana, 1877, стр. 81 [145].

³ В. В. Бартольд. Ук. соч.

⁴ Ворота Фенех, также упоминаемые в перечне между перечисленными, вернее всего искать в западной или же северо-западной части стены.

нии одного фарсаха на юг от центральной части старого города Самарканда. В-третьих, кишлак Ак-мечеть расположен на месте, где сходятся две большие дороги, выходящие из Сузангаронских и Каландарханинских ворот Тимуровского Самарканда; пройдя этот кишлак, дороги опять расходятся. Повидимому, они сходились в месте бывших ворот. В-четвертых, в местности Ривдад в XII в. по Самани был военный лагерь.¹ Султан Бабур упоминает лагерь в местности Бедонакурук, которую В. А. Вяткин помещает между кишлаками Сочак, Раванак и „Бугуртак“ по арыку Каварзэр² („Бугуртак“, надо полагать, есть не что иное, как „Буг—Уртак“, т. е. бугор Уртак или „Куш-Уртак“, который был расположен на землях селения Тали-Барзу, но в настоящее время скрыт на удобрение). Местность эта непосредственно прилегает к Тали-Барзу с востока. Возможно, что здесь и был лагерь, упоминаемый Самани в местности Ривдад. Таким образом, мы имеем некоторые основания для того, чтобы утверждать, что последние два слоя Тали-Барзу с их постройками и есть остатки одного из замков, самого крупного в местности Ривдад.

Объем настоящей статьи не позволяет привести в скольконибудь достаточной степени ни имеющих в нашем распоряжении раскопочных, ни тем более сравнительных материалов. Например, из эллинистического слоя имеется более двадцати форм сосудов (сотни фрагментов и целых сосудов) и около десятка статуэток. Такая же картина наблюдается и для других слоев, в особенности для ТБ V („сасанидского“), где подобных вещей мы имеем до сотни. Естественно, что чем большее количество материала приведено, тем основательнее кажутся выводы, и наоборот, чем меньше приведено материалов, тем случайнее кажутся выводы. С другой стороны, краткость изложения делает некоторые утверждения более категорическими, чем этого хотелось бы самому автору. Дело в том, что многие формы пережиточно сохраняются очень долгое время, и часто по одной форме совершенно нельзя сказать, к какому периоду она относится. В этом случае известную гарантию дает наличие определенного комплекса. Трудно, например, датировать не эллинистическим периодом слой, в котором с последовательностью естественного закона встречаются вещи только в эллинистическом стиле с совершенно определенным комплексом керамики. Надо полагать, что уже в третьем веке до х. э. греческое влияние на искусство было значительным, хотя бы уже потому, что Александр Македон-

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. I стр. 58 и т. II, стр. 23.

² Справочная кн. Самарк. Обл., VII, стр. 33.

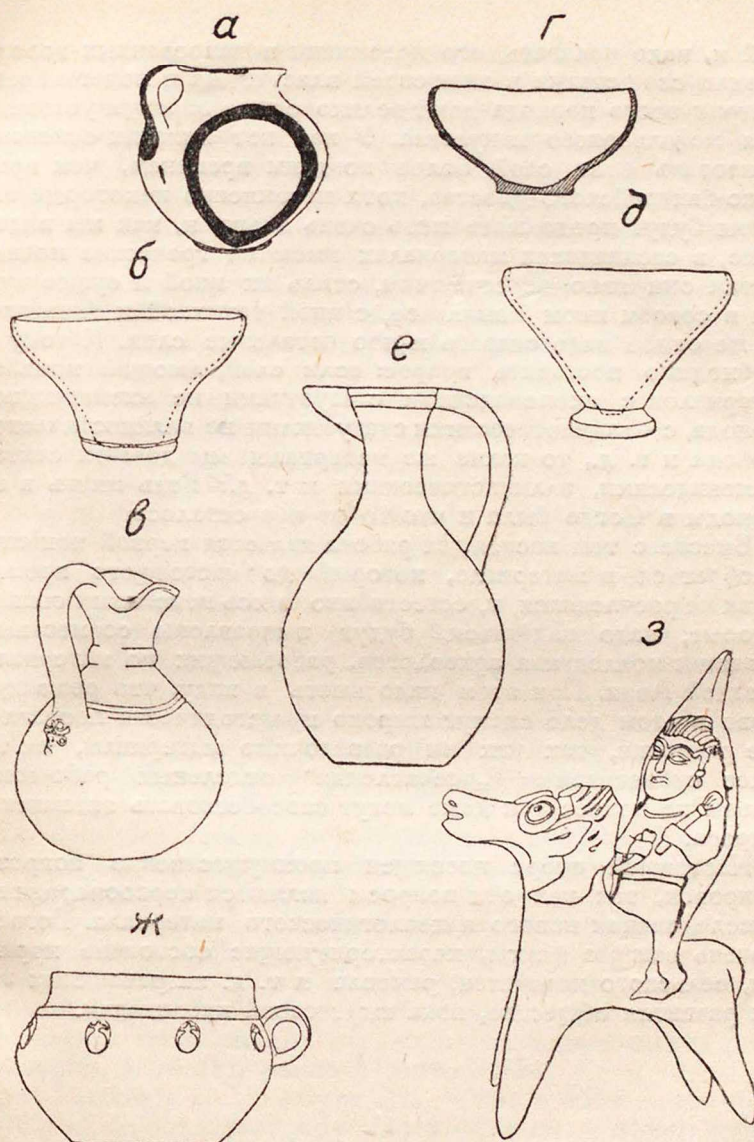

Рис. 6. а. Сосуды с красными кругами на боках. ТБ. III $\frac{1}{4}$ нат. вел. б. Чашка, покрытая красной ангобой. ТБ. III $\frac{1}{4}$ нат. вел. в. Энохоя, покрытая красной ангобой с изображением лица человека под ручкой. ТБ III $\frac{1}{4}$ нат. вел. г. Чашка, покрытая красной ангобой, характерная для слоев ТБ I и ТБ II. $\frac{1}{4}$ нат. вел. д. Чашка, покрытая красной ангобой, характерная для слоев ТБ IV $\frac{1}{4}$ нат. вел. е. Кувшин, покрытый слюдой из слоя ТБ V и Кафир калы. $\frac{1}{4}$ нат. вел. ж. Кружка, покрытая слюдой с оттисками граната. ТБ V и Кафир кала. $\frac{1}{4}$ нат. вел. з. Всадник, сидящий на баране (в других фрагментах — на лошади). Реконструкция на основании материалов ТБ V и Кафир кала. $\frac{2}{3}$ нат. вел.

ский и, надо полагать, его преемники в завоеванных городах ставили свои статуи в знак своей власти.¹ Да и монеты Греко-Бактрии этого периода дают великолепные образцы устоявшегося медальерного искусства. У нас нет никаких оснований датировать этот слой более поздним временем, чем время греко-бактрийского царства, хотя несомненно некоторые элементы будут продолжать жить очень долго, и, как мы видели выше, в сасанидских материалах имеются греческие мотивы, но там они явно пережиточны, стиль их иной и существуют они в совсем ином комплексе, с иной техникой и тематикой. То же самое надо сказать и про остальные слои. К тому же необходимо поставить вопрос: если слой, дающий комплекс материалов с ахеменидскими статуэтками не ахеменидского периода, с эллинистическими статуэтками не эллинистического периода и т. д., то какие же материалы мы должны считать ахеменидскими, эллинистическими и т. д.? Ведь жизнь в эти периоды в Согде была и что-то от нее осталось?

Вместе с тем настоящая работа является первой попыткой разобраться в материале, который до настоящего времени никак не расчленился, и, естественно, здесь неизбежны ошибки, которые, надо надеяться, будут выправлены совместными усилиями коллектива археологов, работающих по материалам Средней Азии. При этом надо иметь в виду, что решающее слово в этом деле скажут широко и методически поставленные раскопки, так как ни разведочные материалы, ни тем более субъективные „впечатления“ отдельных работников пользы не принесут и даже могут способствовать затемнению вопроса.

Настоящий очерк посвящен преимущественно вопросам датировок, так как эти вопросы являются первоочередными в исследовании нового археологического материала. Богатые и очень важные факты, характеризующие состояние ирригации, сельского хозяйства, ремесла и т. д. на различных этапах развития общества, пока ждут своей публикации.

TALY-BARZOU

L'emplacement de Taly-Barzou d'une superficie de 5 hectares est situé à 6 kil. de Samarkand. Il présente, apparemment, les vestiges de la ville de Rivdad, capitale du Sogd préislamique.

¹ Ср. Арриан, Анабасис Александра, кн. II, гл. II, пер. Н. Коренькова, стр. 58.

C'est un carré de bâtiments en ruines, au milieu duquel s'élève un coteau de 18 m de hauteur, couvrant lui aussi des ruines d'édifices. Le château a été construit dans la première moitié du premier millénaire av. n. ère, il a été abandonné au VIIIe s. de n. ère. L'édifice central a été reconstruit au moins six fois et chaque fois les restes de l'ancien bâtiment étaient remplis d'argile et de nouvelles constructions étaient élevées sur les ruines.

L'examen des matériaux pris aux différentes couches a établi six périodes dans la vie de l'emplacement.

TB I — préachéménide ou première période achéménide

TB II — achéménide

TB III — hellénistique

TB IV — kouchane

TB V — sasanide postérieur

TB VI — musulman

Aux III et IV siècles les bâtiments sont tombés en ruines, au IXe s. au-dessus des ruines un château a été construit de nouveau. Tout l'emplacement a été entouré d'une muraille dont nous ne trouvons maintenant que des parties. La couche achéménide se signale par une poterie à forme archaïque, par des figurines à bonnets scythes et des figurines de la déesse Anahita.

Les formes de la céramique évoluent au temps des Achéménides, en outre on trouve dans cette couche des figurines des princes Achéménides, ainsi que l'image d'un shah gounat tracé sur un vase.

De nouvelles formes de céramique, exécutées d'après les modèles grecs et de belles statuettes de style grec apparaissent dans la couche hellénistique.

La période kouchane a laissé une poterie à formes moins fines, l'influence du bouddhisme se fait remarquer.

En fait de trouvailles — l'inscription sogdienne, la plus ancienne; une statuette d'un dieu équestre (avec un grand nez et une barbe); un trésor de monnaies en argent à personnages grecs se rapporte, à ce qu'il paraît, à cette couche.

Les bâtiments et la couche TB V/VI-e — VIIe s. de notre ère offrent un nombre considérable d'objets en céramique reproduisant les formes de l'orfèvrerie sasanide; on y voit les formes des plats, des aiguières et des coupes sasanides aux empreintes de grenats, de boucs et de personnages sur le côté extérieur. La surface des vases porte une épaisse couche de mica imitant l'argent.

Le type des figurines est turc.

La couche supérieure (TB VI) et le bâtiment qui s'y trouve donnent des monnaies des Boujars-toudats et du roi sogdien

Tarhoun. Les monnaies de ce dernier sont en bronze et fabriquées d'après le modèle chinois. Dans cette couche on a trouvé les premiers spécimens de la céramique à couverte.

Des matériaux pareils à ceux mentionnés ci-dessus ont été trouvés en grande quantité sur de nombreux emplacements à l'est de Samarkand.

G. Grigoriev
